

О проблемах сотрудничества с США и планах России в Средней Азии

ИВАНОВ В.П.

председатель Государственного антинаркотического комитета, директор ФСКН России

Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В. Иванов объяснил корреспонденту "Ъ" Е. Черненко, почему России не нравятся планы США по борьбе с транзитом наркотиков в Средней Азии и какую альтернативу Россия может предложить.

— Как сегодня развивается международное сотрудничество ФСКН? Есть ли какие-то новые проекты?

— Мы активно сотрудничаем как с государствами Средней Азии (страны транзита афганских наркотиков), так и со странами Европы, Латинской Америки и США. Я только что вернулся из Центральной Америки, где, в частности, посетил штаб-квартиру Центральноамериканской интеграционной системы (ЦАИС) и подписал с ее генеральным секретарем — господином Хуаном Алеманом соглашение о запуске процесса подготовки наркополицейских стран Центральной Америки. Проблема транзита латиноамериканского кокаина стоит в этом регионе очень остро. Она дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в этих государствах. 20 мая первая группа российских преподавателей отправится в Манагуа, чтобы начать работу.

— А на каких условиях мы будем обучать центральноамериканских наркополицейских?

— Это наша донорская помощь. Братская помощь нашим партнерам в Западном полушарии. Мы просматриваем аналогию между двумя глобальными очагами производства наркотиков. Речь идет о производстве героина в Афганистане и производстве кокаина в Колумбии и Перу. Ежегодно около 1 тыс. тонн кокаина выбрасывается за пределы южноамериканских государств в сторону США и Канады, а также через трансатлантический коридор и государства Западной и Северной Африки в Европу.

— То есть для России они тоже представляют опасность?

— Пока потребление кокаина в России невелико, слава Богу. Но совершенно четко выражена тенденция увеличения объема кокаина, поставляемого из стран Латинской Америки. Прежде всего от этой угрозы страдает Европа. Пять лет назад в Европе было приблизительно 2,5 млн потребителей, сейчас их более 5 млн. В денежном выражении речь идет о \$35 млрд ежегодно. В США же рынок кокаина, наоборот, за пять лет сузился с примерно 10,5 млн человек до 5 млн. Сказывается эффект жестких мер

патрулирования мексиканской границы. Они фактически стеной отгородились от Мексики. В России мы в среднем изымаем порядка 500 кг кокаина в год, потребление же составляет около 5 т, и оно нарастает. Мы прогнозируем ежегодное увеличение кокаиновой нагрузки на Россию примерно на 30%.

— А как развивается сотрудничество в области борьбы с наркотиками с США?

— Мы ведем активный диалог, проводим совместные операции с участием афганских полицейских непосредственно в Афганистане. Так, осенью 2010 г. мы провели масштабную операцию, уничтожили крупную нарколабораторию в провинции Нангархар, которая работала на российский направлении. В результате этой операции была изъята тонна высококачественного героина.

— Но ведь тогда афганские власти сильно возмутились тем, что США и РФ провели на территории Афганистана операцию, не поставив их в известность.

— Это была их первая спонтанная реакция. Вопрос был урегулирован в ходе телефонного разговора между президентом РФ Дмитрием Медведевым и афганским лидером Хамидом Карзаем.

— И теперь афганцы не будут возражать против подобных операций?

— Нет, страсти улеглись, в настоящее время идет проработка очередной операции. Впрочем, та операция была не единственной, просто другие не получали такой огласки. Была, например, операция "Осьминог", которую мы проводили осенью 2011 г. совместно с США, Афганистаном и Таджикистаном. В результате был ликвидирован мощный канал поставки героина в Московский регион, арестованы 19 чел. Это существенный результат.

— Тем не менее производство наркотиков в самом Афганистане не снижается...

— Этот феномен во многом обусловлен геополитическими проблемами. Между тем от афганских наркотиков в Европе, России и Азии

ежегодно умирает свыше 100 тыс. чел. Проблема очень серьезная.

— Ну а почему же тогда натовцы и американцы упорно отказываются уничтожать посевы наркотиков в Афганистане?

— Отчасти они мотивируют это тем, что в мандате на проведение операции в Афганистане, выданном НАТО и международным силам содействия безопасности (МССБ) Совбезом ООН, отсутствует указание на то, что они обязаны заниматься ликвидацией наркопосевов или что это входит в их компетенцию.

— Но ведь они могли бы, если бы хотели.

— Могли бы, но они не хотят.

— Почему?

— Они говорят, что, во-первых, нельзя лишать крестьян единственного источника дохода. А, во-вторых, что уничтожение посевов и лабораторий толкнет крестьян в объятия "Талибана". Считаю, что этот вопрос стоит поднять в Совете Безопасности ООН. Речь ведь идет о серьезной угрозе безопасности всего мира.

— А почему Россия не предлагает Совбезу ООН рассмотреть эту проблему?

— Соответствующие предложения уже внесены мною в МИД РФ. Ждем реакции.

— А аргументы американцев про крестьян и талибов обоснованны?

— Считаю, что они необоснованны. Афганские крестьяне ведь сами по себе экономически не мотивированы. Сегодня они выращивают опиумный мак на плантациях, которые им не принадлежат. Все плантации давно поделены. Крестьяне же практически как рабы трудятся за кусок хлеба. Поэтому убеждать крестьян выращивать не мак, а пшеницу, бессмысленно. Они этого выполнить не могут. Мы предложили составить список хозяев плантаций, чтобы предать его публичности и вылавливать этих людей по всему миру. Однако натовцы против. Они говорят, что, если такие списки будут растиражированы, хозяева плантаций попытаются скрыться от преследования. Хотя, честно говоря, преследования мы пока и не видим.

Заявление же о том, что уничтожение посевов толкнет крестьян в объятия талибов, тоже нелогично. "Талибан" не столь активно вовлечен в наркопроизводство. Его вовлеченность оценивается цифрой \$150 млн.

— Это прибыль "Талибана" от производства наркотиков?

— Да. При этом само афганское наркопроизводство, по минимальным оценкам, дает \$65 млрд.

— Кто получает остальные деньги?

— Хозяева плантаций, на чьих землях выращиваются наркотики, владельцы лабораторий.

— То есть наркомафия, а не экстремистские группировки?

— Да, конечно. Поэтому все эти аргументы, на наш взгляд, абсолютно неубедительны.

— А что вы думаете по поводу антинаркотической инициативы США для Центральной Азии? Почему Россия выступает против ее реализации?

— Объясню. Во-первых, потому что если существует мощный центр производства наркотиков, то даже в случае его перекрытия трафикеры все равно найдут другой. Во-вторых, опиаты производятся на территории площадью 130 тыс. га, а распространяются на территории 2,5 млн га. Фокусировать усилия на такой большой территории явно более затратно и непродуктивно, чем бороться с производством наркотиков на гораздо меньшей территории. В-третьих, в Афганистане сейчас находятся более 500 тыс. силовиков. Это 150 тыс. регулярных иностранных военных в рамках международного контингента, около 100 тыс. представителей вооруженных неправительственных формирований (они обеспечивают охрану, провозку грузов и т. д.) и около 300 тыс. афганских силовиков (армия и полиция). Получается, что на 1 га территории приходится пять силовиков. То есть 2 тыс. кв. м на одного человека. При этом ежедневная норма косаря составляет 5 тыс. кв. м. Силовики могли бы выкосить все до обеда, если бы была команда.

Мы предложили объединить усилия ОДКБ и НАТО. ОДКБ бы сконцентрировала силы на территории стран-транзитеров, НАТО уничтожало бы инфраструктуру в самом Афганистане. Если начать совместную операцию в какой-то конкретный день, то закончить ее можно за неделю.

— Но ведь НАТО отказывается сотрудничать с ОДКБ...

— Конкретного ответа я пока не услышал.

— Тем временем Вы предлагаете создать Российскую корпорацию сотрудничества со странами Центральной Азии, чтобы бороться с наркотрафиком с помощью многомиллиардных инвестиций. Что это даст?

— Это своего рода инструмент, который может сделать инвестирование в этот регион более эффективным. Речь идет о развитии экономик стран Центральной Азии, создании новых рабочих мест и вытеснении наркотиков на периферию экономической деятельности. На сегодняшний день экономическое положение ряда государств Средней Азии достаточно тяжелое. Высокий уровень безработицы обеспечивает нескончаемый кадровый резерв наркотрафикеров. Их

используют — за небольшие деньги — для переброса афганских наркотиков в Россию. Мы хотим создать программы альтернативного развития. Когда люди заняты и получают достойную зарплату, их гораздо труднее вовлечь в наркокурьерскую деятельность. Предложение о создании корпорации мною официально внесено Владимиру Путину. Он дал поручение ряду ведомств проработать эти предложения.

— А зачем России тратить миллиарды на подъем экономик других стран?

— Каждый рубль, вложенный в подобного рода антинаркотические программы, дает гораздо большую экономическую отдачу. Экономические потери РФ от наркотрафика и соответственно от потребления наркотиков мы расцениваем в 3% ВВП. Это свыше 2 трлн руб. ежегодно.